

¹² См.: Бекетов Н. В. Формирование информационной системы региона как важного составного компонента развития инфраструктуры инновационной деятельности // Информационные ресурсы России (М.): Науч. журнал. 2004. № 1. С. 19–21.

В. В. Енуков

**КУРСКАЯ ВОЛОСТЬ-КНЯЖЕНИЕ КАК МОДЕЛЬ
ЭВОЛЮЦИИ МАЛЫХ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Курская волость относится к числу сравнительно небольших административно-политических образований, которые являлись ведущими в количественном отношении, но явно недостаточно изученными сегментами древнерусской государственности. Именно ее "обыденность" в сочетании с относительным обилием разноплановых источников, позволяющим проследить основные вехи ее становления и развития, представляет заметный исследовательский интерес.

Как и любое историческое явление репрезентативного характера, Курская волость, наряду с общими чертами формирования аналогичного "ранга", имеет и свою специфику. К ней относится целостность территориального ядра, которая уходит своими корнями в "докиевскую" эпоху. Анализ совокупности источников приводит к выводу, что понятие "Посемье", хорошо известное в XII в. как определение территории волости в пределах курского течения Сейма и Верхнего Псла, изначально соответствовало сложному "племенному" образованию, сформировавшемуся около середины X в. Его неординарность в социально-политической иерархии объединения северян, археологическим эквивалентом которой является большая часть носителей роменской археологической культуры, подчеркивается существованием "единого экономического пространства", которое соответствовало ареалу обрезанного под весовую норму в 1,02 г арабского дирхема¹. Захват Посемья Русью в конце X в., предположительно в ходе походов 994 и 997 гг. Владимира на Волжскую Болгарию, одной из основных целей которых, видимо, являлась организация торгового пути Киев – Булгар², и определяет ту хронологическую грань, за которой начинался древнерусский период истории региона.

Существенные изменения в жизни Посемья в конце X в. находят свое отражение в археологических материалах. С приходом Руси жизнь на многих роменских городищах или навсегда прекращается (Большое Горнальское, Шуклинка, Переверзево II, Лысая гора, Кудеярова гора, Жадино и т.д.), или возрождается, но не ранее конца XI — начала XII в. (Ратское, Липино, Люшинка, Копыстичи). На этом фоне выделяются Курск³ и, вероятно, Рыльск⁴. Они превращаются (первый — бесспорно, второй — пока предположительно) в форпосты русского господства на покоренных территориях, аккумулировавшие урбанизационные потенциалы региона. С известной долей осторожности в этот ряд можно включить и станции-“манзили” по верхнему Пслу (Зеленый Гай, Горналь, Гочево), формирование которых отличалось спецификой в силу того, что они изначально были призваны обслуживать торговый путь из Киева в Булгар⁵. Прекращают свое существование и многие небольшие поселения — “хутора”, характерные для “семцев” в IX–X вв., что особенно хорошо видно на примере наиболее густонаселенных в этот период микрорегионов⁶. Заметной становится роль крупных неукрепленных поселений, которые нередко примыкают к разрушенным роменским городищам. Именно здесь наряду с перечисленными выше центрами концентрируется значительная часть населения волости. Столь резкие изменения производят впечатление результата действий насильственного характера. Логично предположить, что “силовое” решение проблем, порожденных освоением Русью новой территории, создавало благоприятные условия для возникновения землевладений с зависимым населением. В связи с этим выглядит неслучайным упоминание в “Житии Феодосия Печерского” села с “рабами” семьи Феодосия, что представляет собой первый известный пример владений представителей знати “некняжеского достоинства”.

“Житие” дает редкую возможность восстановить в общих чертах организацию структуры власти небольшой древнерусской волости на раннем этапе ее существования, в данном случае в середине XI в.⁷ Во главе административной структуры стоял “властелин града”. Он, судя по всему, назначался киевским князем⁸ и имел самые широкие полномочия, в том числе осуществляя верховный суд. “Властелин” опирался на “вельмож”, которые чаще всего отождествляются со старшей дружиной⁹. В целом в “Житии” Курск выступает в виде центра, существовавшего в условиях полноправной городской жизни.

После смерти Ярослава в 1054 г. Курская волость переходит

из непосредственного подчинения Киеву во владение Всеволода, о чем свидетельствуют сведения "Поучения" Владимира Мономаха¹⁰. Всеволод, однако, в Курске не сидел, управляя новым наделом, вероятнее всего, через своих посадников.

Конец XI — начало XII в. отмечен новыми явлениями в жизни Курской волости, среди которых показательным является проведение первого опыта создания княжеского стола с сыном Владимира Мономаха — Изяславом. Фиксируются и другие значимые новации. С этого времени начинается бурный рост Курска, площадь которого многократно возрастает¹¹. Заметно увеличивается нижний посад Рыльска¹². Показательны изменения, отмеченные при раскопках наиболее изученного памятника региона — Липинского археологического комплекса, который в древнерусское время представлял собой небольшой "град". На поселении в конце XI — начале XII в. формируется усадебно-уличанская застройка, а на городище, сожженном еще в конце X в., вновь отстраиваются укрепления¹³. Курская волость вступает в период своего расцвета, что в целом было характерно и для других регионов Руси этого времени.

С конца XI в. активную борьбу за обладание Посемьем ведут Мономашичи и Ольговичи. Этот спор, закончившийся в конце 50-х гг. XII в. окончательным включением Посемья в состав Черниговской земли, достаточно подробно рассмотрен в литературе¹⁴. Остановимся только на некоторых деталях. В XII в. система обороны из нескольких линий городищ, отсутствовавшая на протяжении XI в., была возобновлена, причем Курск и Рыльск становятся центрами мощных укрепрайонов. Несомненно, это является свидетельством упрочения социально-экономической базы региона. К числу новых явлений относится также выделение Рыльского княжения (не позднее 1185 г.). Конкретный характер взаимоотношений между князьями неизвестен, однако есть основания полагать, что Курск воспринимался как старший город. Неслучайно имеется предположение о том, что Святослав Ольгович после смерти "Буй-Тура" Всеволода в 1196 г. из Рыльска перебирается на освободившийся курский стол¹⁵. Отметим, что к 1185 г. относится и несколько упоминаний Посемья¹⁶, что как бы подразумевает сохранение целостности изначального территориального ядра.

В начале XIII в. социально-политическая мощь Курска заметно возросла, что способствовало его обособлению¹⁷. Ярче всего это проявилось в "сбое" иерархической системы городских волостей Черниговской земли. Эта проблема выходит за рамки

темы, однако именно курские сюжеты дают материалы для такого вывода. Известные по летописям и Любецкому синодику князья уже имеют принципиально новую титулатуру: князья "Курские" и "Рыльские". Обе волости закрепляются за выделившимися ветвями из рода Ольговичей.

Традиционно считается, что юго-восточные земли Руси понесли самые тяжелые потери от Батыева погрома, причем в перечень наиболее пострадавших территорий включается конкретно Посеймье¹⁸. Однако, как показали раскопки последних лет, и Курск, и Рыльск быстро отстраиваются. Видимо, прав был А. В. Куза, сделавший вывод, правда, на основе материалов других регионов, что большинство "развитых городов" преодолели единовременный погром, так как к середине XIII в. городской строй Руси уже приобрел устойчивые социально-экономические формы, тогда как менее значительные укрепленные поселения безвозвратно погибли¹⁹. В то же время "запаса прочности" ведущих городских центров хватило всего на несколько десятилетий. Предположительно в 1275 г. прекратила свое существование династия курских князей, последний из которых Василий был убит татарами²⁰. Тем не менее во второй половине XIII в. продолжался процесс выделения мелких волостей с собственными княжескими столами, свидетельство чему — события, связанные с баскаком Ахматом, которые имели место, по мнению В. А. Кучкина, с весны 1289 по осень 1290 г.²¹ В них фигурируют князья Олег Рыльско-Воргольский и Святослав Липовечский. Таким образом, помимо расширения владений рыльских князей фиксируется и новый надел — Липовечский, причем титулатура его князя соответствовала принятой в начале XIII в. Интересно отметить, что в описываемых событиях регион продолжает восприниматься как единое целое, а именно: "Курское княжение", "великое Курское княжение", в пределах которого выделяются "Курские области", "волости", принадлежащие Олегу и Святославу²². Однако после их смерти в ходе междоусобицы, в конце XIII — начале XIV в., курские земли действительно заметно пустеют. Это время можно определить как финал собственно древнерусского периода в развитии волости-княжения.

¹ См.: Енуков В. Д. "Курск и с Посемьем" // Слов'яно-руські старожитності північного Лівобережжя. Чернівці, 1995; Он же. О содержании летописного термина "Посемье" // Проблемы истории и археологии Украины: К 140-летию со дня рождения Дмитрия Ивановича Багалая. Харьков, 1997; Он же. Посемье и семичи: (По данным письменных, археологических и нумизматических источников) // Очерки феодальной России. М., 2002. Вып. 6.

- ² См.: Енуков В. В. Посемье и семичи. С. 40–45.
- ³ См.: Енуков В. В. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М., 1998. С. 89.
- ⁴ См.: Фролов М. В. Заключение по результатам археологических исследований 1982–1992 годов города Рыльска и его окрестности // Хрестоматия для провинциального книжества по истории города Рыльска. Курск, 1994. Ч. 1.
- ⁵ См.: Моця А. П., Халиков А. Х. Булгар — Киев: Пути — связи — судьбы. Киев, 1997. С. 110–134.
- ⁶ См.: Узянов А. А. Динамика заселения долины реки Тускарь: (Диахронический анализ приуроченности поселений к различным этапам природных геосистем) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье: Материалы совещания 25–26 января 1983 г. М., 1985. С. 81.
- ⁷ См.: Карпов Ю. А. Когда возник Киевский Печерский монастырь? // Очерки феодальной России. М., 1997. Вып. 1; Склярчук В. И. К биографии Феодосия Печерского // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). Л., 1988. Т. 41. С. 318–320.
- ⁸ См.: Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 70, 90.
- ⁹ См.: Енуков В. В. Русь и бывшие племенные территории: (На примере Посемья) // Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя: Збірник наукових праць. Суми, 2003. С. 11–13.
- ¹⁰ См.: Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его поучение. Ч. 1. Поучение детям. Письмо к Олегу и его отрывки. М., 1901. С. 145–146.
- ¹¹ См.: Енуков В. В. О топографии Курска в древнерусское время. С. 85–90.
- ¹² См.: Енуков В. В. Рыльск и его округа в IX–XIII вв. // Малые города России: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Курск; Рыльск, 2000.
- ¹³ См.: Енуков В. В., Енукова О. Н. "Города посемьские": Древнее Липино // 60 лет кафедре археологии МГУ: Тез. докл. конф., посв. 60-летию кафедры археологии исторического факультета МГУ. М., 1999.
- ¹⁴ См.: Зайцев А. К. Указ. соч. С. 89–95; Раздорский А. И. Владельческая принадлежность Курского княжества в XI–XIII вв. // Очерки феодальной России. М., 1998. Вып. 2. С. 6–15.
- ¹⁵ См.: Раздорский А. И. Указ. соч. С. 18.
- ¹⁶ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1998. Т. 2. С. 645.
- ¹⁷ См.: Зайцев А. К. Указ. соч. С. 114.
- ¹⁸ См.: Беляева С. А. Южнорусские земли во второй половине XIII–XV вв. Киев, 1982. С. 106.
- ¹⁹ См.: Древняя Русь: Город, замок, село: Археология СССР: В 20 т. М.: 1985.
- ²⁰ См.: Енуков В. В. Курское княжение в монгольское время // Деснинские древности: Материалы межгос. науч. конф. "История и археология Подесенья". Брянск, 1995. С. 140.
- ²¹ См.: Кучкин В. А. Летописные рассказы с упоминанием Святослава Липовичского: Историография, древнейшие тексты, хронология и география событий // Липецк: Начало истории. М., 1996. С. 30–31.
- ²² ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 176; Т. 9, 10. М., 1965. С. 165.